

Квинтилий, бесполезно говорить,
ну да, телеги мы поставим кругом,
но здесь, в ущелье, нам не победить,
нас заперли, и дождь врагам на руку,
и тетивы размокли, и в грязи,
бросаясь в бой, скользят легионеры,
и непонятно мне, в какой связи
вот с этим всем вопросы нашей веры
в империю, ее благую цель,
строительство дорог и укреплений,
топор германца проникает в щель
меж шлемом и нагрудником, и в пене
кровавой задыхаются бойцы,
предатели уводят под уздцы
коней и так сдаются в плен германцам,
и нам не будет помощи от Марса,
и взвесит наши головы в мешке
Арминий в своей варварской руке,
и их найдет пустыми, и толпа
ответит громким смехом, и трава
забвения над нашими костями
взойдет в ущелье диком и пустом.
Империя была всего лишь сном,
а мы – лишь сна волшебного рабами,
я знаю, бесполезно говорить,
что завтра все закончится, Квинтилий,
и что с того, что мы хотели жить,
и что с того, что мы зачем-то жили,
штандарт с быком на алом, меч в руке,
Октавиан, Гамала, на песке
следы от ног любимой, и волна
смывает их, как наши имена.

* * *

Уже окаменели липы,
и на земле, и на земле
чернеют высохшие сливы,
и на веранде, на столе
лист клена, инеем покрытый,
лежит, как только что убитый,
так Иоанна голова
лежала на свинцовом блюде,
здесь вечный холод, ты права,
пустыня, и в пустыне люди
с зимой справляются едва,
и легкими, и ледяными
крылами машут журавли,
и я бы мог подняться с ними,
да только жаль родной земли,
и мне не спится, мне не спится,
и ничего не решено,
и желтогрудый, как синица,
фонарь глядит в мое окно.

* * *

Я мерз, моя рука болела,
я просыпался то и дело,
рукой махал, таблетки пил,
луна в окно мое смотрела,
и лунный свет, густой, как ил,
стекал на стол и на предметы,
что я оставил на столе,
на телефон, очки, рецепты,
на черновик в печной золе.
И все. Вот цепь событий главных,
непостижимых, достославных,
вот вся основа бытия.
Октябрь. Поет душа моя,
как лунный свет на ветках голых,
простые песенки свои,
и мир вокруг все так же полон
надежды, веры и любви.

Бог ставит свет, холодный и нагой,
и слушает погибшую березу,
держа ее под голову рукой,
как мальчик держит сломанную розу.
Что вымолит бездомная старуха?
Поднять ее из грязи или сжечь?
В расщелину божественного слуха
течет нечеловеческая речь,
и воздух, потрясая сединой,
стоит за Ним, как раб за господином,
держа корзинку с полною Луной,
держа платок с однородным Сыном,
и нити снега сквозь меня летят,
и, задрожав, поваленное древо
становится к своим товаркам в ряд,
и время, обращенное назад,
потоки снега возвращает в небо.

Не поднимай холодных век,
не разделяй моей печали,
не останавливай мой бег,
не трогай волосы из стали,
не повторяй за мной слова,
не приходи в мои виденья,
не утверждай, что ты жива,
не жди, когда я стану тенью,
в том городе, где нет тебя
кирпичные дымятся трубы,
в том городе, где нет тебя
и только снег целует в губы,
я поднимаю руку вверх
и безусловно принимаю
мир, состоящий из прорех,
который мне дороже рая.

Я мог бы рассказать тебе подробно
мой сон со всею правдой неудобной,
про виды желтой комнаты, про то,
как бродит с тихим шорохом пальто
в очках, с портфелем, и за стол садится,
и ручка пишет на листке сама:

«Мой милый друг, ты не сошел с ума,
здесь все взаправду, а не то, что снится,
в полях между безвременьем и тьмой
есть станция почтовая, смотритель
ее покрасил краскою одной,
а сам исчез, оставив черный китель,
а ты, наверно, думал, что пальто.
Знакомы будем – я фантом, никто,
садись к столу, ночевка будет долгой,
сыграем, кто к безносой и убогой
отправится на каменное дно,
вот кости – но пустой рукав не трогай,
давно истлело черное сукно,
коснешься – и рассыпется оно».

Я мог бы рассказать тебе подробно
про явь, про сны, да на дворе зима,
и скоро снова наметет сугробы,
и чистить снег. Ты знаешь все сама.
Купи мне шапку. Просто шапку, чтобы
я мог ее торжественно носить,
и не тверди мне о любви до гроба,
я в гроб не верю. Нету, может быть,
ни гроба, и ни дна, и ни крыши,
а просто Бог возьмет меня под мышки,
как пьяного – могучий верный друг,
и отнесет куда-нибудь, где звук
столь чуден, что сказать я не умею,
и там я наконец-то протрезвею,
Его глазами посмотрев вокруг.